Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (https://nashagazeta.ch)

«Русская поэзия не утратила дара речи»

26.02.2026.

Остров русской поэзии © N. Sikorsky

Стихи не принято читать во множестве и подряд, опрокидывая в себя рифмы, как стопки водки. Их принято растягивать и смаковать, как хорошее вино. Вот и я, скачав сборник на iPad и взяв его с собой в поезд, собиралась прочитать парочку, потом полюбоваться пейзажами и послушать музыку, потом – еще парочку… План провалился: начав читать, я уже не могла оторваться, пьянея от каждой опрокинутой в себя страницы, а из всех красот за окном заметила лишь одну – остров посреди озера Маджоре. Остров красоты необыкновенной, особенно на фоне голубого неба и чуть более темной, но такой же безмятежной воды. И сразу одинокий этот и прекрасный остров слился в моей голове с лермонтовским парусом и сосной. Тоже одинокими.

Было это в прошлом декабре, и тогда же я решила рассказать вам об этом коллективном творении, коллективном крике души, но решила дождаться февраля, когда, вот уже больше века, полагается, по Пастернаку, «достать чернил и плакать»,

а последние четыре года – говорить о войне. Как мог знать Борис Леонидович, что трагедия случится именно в этом месяце и что поэты других поколений снова будут «писать о феврале навзрыд»?! И да, речь идет именно о других *поколениях*, во множественном числе: не все авторы указали в биографических справках дату рождения, но на основе имеющейся информации выходит, что самый взрослый из них появился на свет в 1938 году, а самая юная – в 1989-м. Эта разница в возрасте в стихах не чувствуется совершенно, читатель слышит мощный голос единомышленников, а сплетенное ими кружево надежнее любой кольчуги защищает его, читателя, от расчеловечивания.

В ожидании февраля я перечитала сборник несколько раз, столкнувшись с невозможностью выбрать наиболее важные стихотворения, настолько ценно каждое из них. А также раздобыла адрес электронной почты Татьяны Бонч-Осмоловской, составительницы сборника и одного из его авторов и переводчиков. Татьяна Бонч-Осмоловская – прозаик, поэт, филолог, преподаватель, литератор, исследователь литературы. Выпускница МФТИ и Французского университетского колледжа, автор двух десятков книг прозы, критических эссе и поэзии, а также публикаций на английском языке. Татьяна была организатором литературных и культурных мероприятий, в том числе Австралийских фестивалей русской традиционной и экспериментальной поэзии, семинаров «Математика и искусство». В настоящее время она живет и работает в Сиднее. Преодолев разницу во времени, мы нашли возможность пообщаться.

Татьяна, литература вообще и поэзия в частности издавна имели в закрытом российском обществе особую роль и прежде всего в «минуты роковые». Огромный стихотворный пласт породила Великая отечественная война, и многие из написанных тогда стихотворений, особенно переложенные на музыку, действительно стали народными, вошли в коллективное сознание. От нынешней войны такого всплеска мало кто ожидал – другое время, другой ритм жизни, другие источники информации. Однако ваш сборник свидетельствует о том, что русская поэзия жива. Как родился проект? Как вы собирали разбросанных по миру авторов, в объединении которых почувствовали необходимость?

Русская поэзия, независимая, свободная, личная, думающая, чувствующая – разумеется, жива. Стихотворения, собранные в этом сборнике, были написаны, потому что они не могли не быть написаны, и опубликованы, потому что должны быть опубликованы. Собраться было не трудно, бытование поэзии – не географическая данность, мы все знаем друг друга, где бы мы ни находились и не находимся физически. Мы были объединены взаимной дружбой и уважением, и неспособностью молчать во время всеобщей беды. Наш проект стал возможностью для поэтов показать свои чувства этого момента, для читателей – услышать их.

Думаете ли Вы, что сегодня роль поэзии иная по сравнению с 20 веком?

Говоря о поэзии, вы имеете в виду – русскоязычную? Даже ограничивая русскоязычной поэзией, это очень сложный вопрос для короткого ответа. Двадцатый век был очень длинным. Поэзия была разной. Тут я пропускаю часовой, хотя бы, рассказ о поэтических направлениях, и перехожу к заключению.

По сравнению с XX веком, современная поэзия – более частное дело. Поэт уже не вещает с трибуны, не собирает стадионы, даже поэтические слэмы стадионы не

собирают.

Государство не так уж интересуется поэзией. То есть, на инаугурации американского президента может прозвучать стихотворение, но все понимают, что собрались не ради этого.

Поэтические книги не выходят многотысячными тиражами, как в советское время, когда литература была оружием идеологической борьбы, служила государству пролетариата.

Плюс, разумеется, была независимая, андеграундная литература, плюс авторы за пределами Советского Союза, самиздат и тамиздат.

Это все несколько раз менялось. Сегодняшнее российское государство, очевидно, не приравнивает перо к штыку. И это, я считаю, прекрасно. Так что поэты с независимыми голосами без внимания государства сегодня пребывают более или менее в безопасности. Разумеется, не всегда. Чудище государственной машины хватает пишущих людей: это Александр Бывшев, Артем Камардин, Егор Штовба, Гликерий Улунов, Евгения Беркович, Светлана Петрийчук.

Еще чаще – человека объявляют иноагентом, а законы в России сейчас приняты такие, что иноагенты лишены возможности не только преподавать и публиковаться, но и всякой возможности зарабатывать на жизнь.

В результате многие авторы уехали из России. Но сегодня, как и всегда, поэты не могут не писать стихи. В стол или для малого круга или в интернет или в частное издательство или переходя на другой язык, или уходя в пейзажную лирику, или заумь, или сложную метафизику. Поэт пишет. Словом познает себя и мир. Когда мир рушится, запечатляет этот разрыв. К слову, самыми разными поэтическими техниками, в этом тоже отличие современной русскоязычной поэзии от поэзии советской эпохи – разнообразие, индивидуальные звуки и краски. Разумеется, пишет для читателя, время от времени публикуется, показывает свои стихи. В литературных журналах, сборниках, антологиях звучит не согласованный хор, но разнообразие индивидуальных поэтических голосов. Наш сборник тому пример.

Автор обложки Денис Батуев

Как трудно было найти издательство? Как шли переговоры с Freedom Letters и как объяснить указание его местонахождения – Петроград?

До Freedom Letters мы обращались в пару других издательств, работа с которыми в итоге не сложилась. С Freedom Letters получилось сразу и твердо. Это уникальное издательство, публикующее честную современную литературу. Уникальный издатель, Георгий Урушадзе, уникальные сотрудники и волонтеры. За менее чем три года существования издательство выпустило столько потрясающих книг, больше шести сотен книг, бумажных и часто параллельно электронных. Они печатаются в десятке стран мира, а также распространяются как print-on-demand. Посмотрите на сайте, там с ними можно ознакомиться и приобрести.

Указание на Петроград – вероятно, такая шутка. Для различных публикуемых книг издательство Freedom Letters называет различные места на географической и даже исторической карте. В современном мире книга готовится к печати с помощью

компьютера, сотрудники издательства могут находиться в любой точке глобуса.

Если не ошибаюсь, какое-то время после выхода сборник продавался в России на платформе Озон. Что это было – цензура проглядела?

У нашей книги нет цензурных ограничений. Ее даже в целлофан не надо заворачивать. Для российского читателя мы отметили автора-иноагента, все требования закона были выполнены. И вопросов к сборнику не было.

Нынешнюю войну часто награждают эпитетом «братоубийственная», сравнивают с гражданской. Об этом – первое же стихотворение сборника авторства Аллы Боссарт: «Болеть положено за наших». Но кто сегодня наши, особенно если учесть распространение понятий-перевертышей? Вот и «наши» – не просто притяжательное местоимение, но и название движения, которое можно было бы назвать патриотическим, если бы самое понятие патриотизм не было бы извращено. Слово «наши» сегодня притягивает очень разных людей. Тут и политологу трудно разобраться, а что делать поэту?

По-моему, Алла Боссарт пишет совершенно определенно: «Болеть положено за наших, но наши кто — не объяснили, и поражение с победой мы стали путать с той поры, когда убил один из наших, не нашего совсем чужого, и пристрелил его собаку, а после ссильничал жену, в живот ударив грязным берцем, ногами расшвырял игрушки, и маленького что заплакал, прикладом в темя отключил...»

Здесь, я думаю, я могу употребить местоимение «мы». Мы против насилия, против убийств, наши стихи вне языка ненависти. Мы пишем о том, чтобы быть человеком в человеческих и нечеловеческих условиях.

Перевернулись верх дном не только политические понятия, но и вообще все, даже с детства знакомое и любимое. И это очень точно, пронзительно отражено в представленных в сборнике стихах. Я думаю, например, о своеобразном парафразе к известному каждому советскому ребенку переводу Самуила Маршака «Дом, который построил Джек», который сделала Марина Бородицкая. Ее стихотворение начинается словами «Дом, который разрушил град», оно гораздо ближе к одноименному фильму Ларса фон Триера о серийном убийце, чем к детскому стишку. Что Вы об этом думаете? Определяете ли как-то это явление?

Я должна признаться, что не смотрела этого фильма Ларса фон Триера и не могу их соотносить. Что касается Марины Бородицкой, она ведь сама переводчица и автор множества стихов для детей, для нее переводы Nursery Rhymes это дом родной. Марина здесь говорит на своем языке, языке детских сказок, и впечатление действительно возникает устрашающее, устрашающий контраст – с одной стороны, привычное, доброе, семейное, домашнее, с другой – кошмар, которым обернулась жизнь. Но языком сказки ведь можно рассказывать и страшные истории, я тут вспомню скорее Гильермо дель Торо. Сказки – универсальный, узнаваемый язык детей и взрослых, которые были детьми, и которые рассказывали сказки своим детям. Сказка – одна из моделей описания мира, и кошмарного мира тоже. Сказка учит – в лесу волк, за рекой – разбойники, в горах – дракон. Сказка предупреждает. Но сказка, как правило, заканчивается хорошо. И Марина Бородицкая заканчивает стихотворение, оставаясь в сказочной парадигме, напоминанием о финале другой истории, теперь о золотом петушке. То есть, это такой способ предложить ребенку и

ребенку внутри взрослого, узнать сказку, и тогда есть шанс, что все обернется хорошо, судьба, время, петушок вмешаются и кошмар закончится. Снова, если вспоминать фильмы, как в «Жизни прекрасна» Роберто Бениньи.

В стихах авторов сборника очень много отсылок к русской классике, помещенных в новый драматический контекст. Отсылок как прямых, как «Когда бы жить домашним кругом» Тамары Буковской, так и более завуалированных. Я отметила для себя Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Булгакова... Что это – форма выражения ностальгии, которая остро чувствуется у многих авторов?

В современной поэзии включение строк других авторов в свой текст это распространенное явление, вплоть до центонного составления стихотворения полностью из строк поэтов прошлого. И не только из стихотворений, каких-то песенных строк, или фраз из фильмов, расхожих цитат, вплоть до советских лозунгов и штампов, такая отчасти реди-мейд поэзия. Ввели это в русскую поэзию московские концептуалисты, а современные поэты разнообразно развивают и пользуются. Не только банальные, могут быть и сложные понятия, цитаты и реминисценции к словам философов, теологов, лингвистов, кого угодно. Здесь возможен широкий спектр задач, от присвоения до деконструкции, что угодно. Скажем, Наталья Сивохина строит все стихотворение «Так вчера погудели — просто отвал башки» на фразеологизмах вокруг «головы». В только что процитированных строках Аллы Боссарт – конечно, аллюзия к строке Бориса Пастернака. Или когда Александр Скидан пишет «арендт говорила что это пророческий текст, шолем говорил что это пророческий текст, адорно говорил что это пророческий текст...», он обращается к читателю, который читал всех этих и далее перечисляемых авторов. Действительно, огромное количество таких строк в сборнике. Я вижу здесь не ностальгию, но ту же фиксацию в состоянии шока: то, на что мы опирались, строение культуры рухнуло, мир, как мы его знали, пришел к концу. Впрочем, вряд ли это явление вписывается в одну интерпретацию, в разных стихотворениях звучат различные мотивы, у них могут быть различные прочтения.

Несколько стихотворений написаны в форме молитв. Как «уложить в голове» веру, христианские ценности и роль, которую сегодня играет РПЦ?

Вы знаете, я перечитывала сборник спустя некоторое время после публикации, на свежую голову, и сама отметила, сколько в нем звучит молитв, или обращений к богу, или к богородице, или даже мотивов богооставленности. Если позволите, я приведу несколько строк. Лариса Миллер, одна из самых светлых лирических поэтесс, к слову, ее стихотворения переводил выдающийся британский теолог Роуэн Уильямс, Лариса напрямую обращается к Богу: «О, Создатель, дай ответ, В мире, что Тобой основан, Дня сегодняшнего бред Был с Тобою согласован?» То же ощущение разлома мироздания, несоответствия вечному замыслу.

Марина Бородицкая пишет: «здесь написано «ДЕТИ» — на асфальте, на крыше, на поверхности шара, очень крупные буквы. Дети, Господи, здесь». Казалось бы, спокойные слова, а читаются, как вопль, как вой: надпись огромными белыми буквами на асфальте, такая, что можно увидеть с высоты, с самолета, со спутника, с небес. Что, надпись с самолетов не увидели? Не захотели увидеть? Увидел ли Господь?

И вот Тамара Буковская начинает с традиционной молитвы: «Господи, иже ты все же

еси на небеси» и заканчивает стихотворение горьким: «или господи или тебя не было и нет в помине».

В этом же ряду Алина Витухновская «Наш Новый Бог из Ничего...», и ироническое, у Игоря Иртеньева: «Но за народ печалуюсь, Аж мочи нету уж, — Земля под ним качается, Но Господом храним, Никак он не кончается, Что ты ни делай с ним», и Наталья Сивохина «Кто белыми?» У Бога дрожит рука. Но мир лежит, как шахматная доска», Татьяна Щербина «Богородица с младенцем, легкий перекус травы, вытри душу полотенцем, бравы мы ли, правы ль вы», и слова веры у Любови Сумм: «но вчера воскрес Христос, но сегодня воистину воскрес, ныне и присно и...», мое стихотворение «Мои молитвы за вас...». Такие разные обращения, религиозные, лирические, иронические, экуменистические, агностические...

К слову, не только к христианской религии, Дмитрий Веденяпин пишет о иудейских праведниках в неведомой (Набоковской?) стране: «десять цадиков в Зембле-не Зембле — Дай Бог им здоровьечка! — молятся справа налево, Чтоб мы не смогли до конца извести эту Землю».

О чем все это говорит? Что в эпоху экзистенциального слома, как в пикирующем самолете, атеистов нет? Мне кажется, стоит обратить внимание на строки Вероники Долиной: «Я поставлю одну свечу / И детей светить научу». Возжигание свечи – это сакральное действие, не только в христианских, но и в буддийских, индуистских храмах. Совершает его человек. Это жест служения свету, горения для других, для добра, для гармонизации, освещения темного мира, для помощи людям и, если хватит света, спасения.

Как возникла мысль сделать двуязычное издание? Есть ли в планах переводы на другие языки?

Сборник с самого начала виделся и планировался как билингвальный: оригиналы русские, переводы на английский. Здесь я хочу сказать о переводчиках – подобралась абсолютно уникальная команда индивидуумов. Представьте, под полторы сотни стихотворений, двадцать шесть авторов, каждый и каждая с уникальным голосом, и нужно все перевести, причем достаточно быстро.

Переводчики, как и авторы, работали из разных стран и континентов. У некоторых английский родной, кто-то долго и профессионально занимается переводами, кто-то любитель, и все замечательные труженики. Мой низкий поклон и благодарность переводчикам!

Планов переводить на другие языки пока нет. Мои переводческие контакты – в англоязычном мире. Но если будет предложение от издательства или переводчиков с другого языка, конечно, будем рады.

Не кажется ли Вам, что были бы полезны некоторые пояснения, причем не только для иностранцев? Не думаю, что многие россияне, особенно младших поколений, узнают в «Марке Наумыче» в стихотворении Дмитрия Веденяпина Марка Бернеса и культовую песню «Я люблю тебя, жизнь» Эдуарда Колмановского на слова Константина Ваншенкина.

Наверно, когда мы предлагали лишь небольшое число комментариев к переводам, для иностранной аудитории, мы ориентировались на читателя поэзии, более или

менее вовлеченного в наше локальное культурное пространство. Для академического издания, буде такое реализуется, или для массовых чтений, за пределами России или в России (к сожалению, последнее очень маловероятно), возможно, нужно подготовить более подробные пояснения к текстам.

Несмотря на жизнеутверждающую декларацию «Русская поэзия не утратила дара речи» во многих стихотворениях звучит тема безысходности, вызванной, прежде всего, собственным бессилием. Точнее всего это сказано у Татьяны Вольтской в стихотворении о старухе на развалинах Бахмута, заканчивающееся так: «Трясутся руки – вижу, каково ей,/ и ничего поделать на могу». Что может поэзия?

Поэты пишут стихи. Именно это мы и сделали. Написали стихотворения и показали их. Счастье, когда слово встречает читателя.

Что касается бессилия, безысходности – это в самом деле один из повторяющихся мотивов стихотворений сборника. Что, вообще говоря, неудивительно. Поэт яснее видит – в том числе, тьму.

И все же верит в свет. Действует понемногу. Ведь трудное дело начинается с легкого, великое свершение с малого, потому что трудное создается из легкого, великое из малого. Как в уже приведенных строках Вероники Долиной. Как у Ларисы Миллер, «Но побеждает — нет, не скрежет, <…> А чей-то тихий вдох и выдох». У Натальи Сивохиной, «Неужели страх? Да нет никакого страха. <…> Моя Серая Шейка, Стикс замерзает, детка».

Credo quia absurdum. Верую, ибо абсурдно. Здесь мне хочется привести целиком одно стихотворение Натальи Ключаревой:

* * *

Собирай каштаны, ибо это бессмысленно.
Корми бродячих котов, ибо это бессмысленно.
Подавай бродяжке у магнита, ибо это бессмысленно.
Сортируй мусор, ибо это бессмысленно.
Пиши стихи, ибо это бессмысленно.
Подписывай петиции, ибо это бессмысленно.
Выходи погулять, ибо это бессмысленно.
Ходи на курсы, ибо это бессмысленно.
Строй планы, ибо это бессмысленно.
Люби, ибо это бессмысленно.
Живи, ибо это все.

Даже аннотация к вашему сборнику получилась особенная, чего стоит одно выражение «сгущенное время катастроф». Поэты всегда были пророками, хотя чаще всего к ним в их разных отечествах не прислушивались. Но можно ли говорить о каком-то общем прорицании, предвидении, к которому пришли Вы и Ваши коллеги?

Никакого общего прорицания нет. Мы не советовались, не согласовывали тексты, не сидели за общим столом, взявшись за руки и глядя в зеркало. Мы не пифии. Я могу говорить за себя. Я никак не предвидела ни захвата Крыма, ни развязывание Россией

войны, ни то, что эта война будет такой изнурительной и долгой. Она длится уж дольше Великой Отечественной войны! И у меня мало надежд, что эта война скоро закончится. Если смотреть вперед, виден мрак. Чем дальше, во времени и пространстве, тем чернее. И есть здесь и сейчас и каждый и каждая из нас, сегодня живой и живая. Это, если хотите, мое предвидение.

В русской поэзии принято выделять Золотой век и Серебряный. Как Вы думаете, получит ли какое-то особое название этот период? Как он войдет в историю?

Эти метафоры, Золотой и Серебряный век русской поэзии, принадлежат эпохе романтизма и постромантизма, когда, немного утрируя, поэт манифестирует себя как посланец вечности, различающий гармоники, неведомые обычному человеку, как обладатель идеального голоса, совершенного умения, недоступного массам. С тех пор роль поэта значительно изменилась. Уже в модерне, и в авангарде, не говоря о постмодерне и других, сегодня у поэта иная позиция.

В истории русской поэзии были предложения определяться через металл – Бронзовый век, как попытка самоназвания середины-конца XX века. Здесь и благородство металла, и тень классики, и тяжесть, и плотность. Не как золотой стандарт, но частное трудное дело, поэзия независимых авторов. Было такое самоопределение, но в отношении уже прошедшей эпохи.

Металлические ассоциации можно продолжать в любую сторону – хоть век Медный, это медные трубы, то есть, громкая, военная, патриотическая поэзия, слава и пустота. Или Железный век – рабочая поэзия, простая, прочная, безыскусная; Урановый век – опасная, ядовитая, действенная; Бумажный – многочисленная, непрочная, графоманская; Стеклянный – прозрачная, всем показываемая, сетевая поэзия, всем видная, как в мире Оруэлла, Деревянный – экологическая, ньюэйдж поэзия; Пластиковый, Микрочипный – всякие AI техники. Отчего то немного желающих определять себя по этим, в отличие от золота и серебра, не элитарным материалам! Так и поэзия перестала быть элитарной. Можно, конечно, идентифицироваться как поэт Платинового или Бриллиантового века, тоже вариант. Кто мешает!

Вы видите, материальные ассоциации больше не работают. Потому что, если выбирать один эпитет для современной поэзии, она будет – разная. Есть продолжатели акмеистической линии, были/есть московский концептуализм и метареализм, есть/были авторы модернистские, постмодернистские, постконцептуальные, «наивные», интеллектуальные, академические, была и есть экспериментальная поэзия, можно говорить об актуальной поэзии. Общего названия для эпохи нет уже с 90-х годов, и на мой взгляд, вряд ли появится.

P.S. Дорогие читатели! Призываю вас приобрести поэтический сборник и поддержать прекрасный проект! Это легко сделать здесь.

современная русская литература
современная русская поэзия
русская поэзия и война в Украине

Source URL: *http://www.rusaccent.ch/blogpost/russkaya-poeziya-ne-utratila-dara-rechi*